

Сокращение социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности: сравнительный опыт России и Китая

Антончева О. А.^{1, *}, Апанасенко Т. Е.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; antoncheva-oa@ranepa.ru

²Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Социальное неравенство между городским населением и жителями сельской местности в России является очевидным. Российская общественная мысль предлагает выравнять дисбаланс между городом и селом — как в рамках парадигмы саморегулируемого рынка, которая нашла отражение в правительственных программах, так и в рамках плановой директивной экономики — теми же способами, которыми она предлагает выравнять любой межрегиональный социально-экономический баланс. КНР также стоит перед проблемой сокращения социального неравенства между городом и деревней и пытается ее решать, скорее, применением мер прямого действия, способных даже повернуть вспять процессы урбанизации.

В статье предлагается проанализировать и взять на вооружение наиболее эффективные меры стирания неравенства между городом и деревней, практикуемые в Китае. Также возможно рекомендовать для включения в арсенал управления социальными процессами китайского государства методы сокращения неравенства между городским и сельским населением, разработанные дирижистскими направлениями российской общественной мысли, поскольку социально-экономическая система КНР легко ассимилирует элементы плановой экономики.

Ключевые слова: социальное неравенство, городское население, сельское население, урбанизация, рыночная экономика, плановая экономика, управление социальными процессами, сбалансированное развитие

Для цитирования: Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Сокращение социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности: сравнительный опыт России и Китая // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 61–76.

Reducing the Rural-Urban Social Inequality: Chinese and Russian Comparative Experience

Olga A. Antoncheva^{1, *}, Tatiana E. Apanasenko²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; antoncheva-oa@ranepa.ru

²Independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Rural-urban social inequality in Russia is evident. Russian public opinion proposes to reduce the rural-urban income gap, both within the framework of the self-regulating market paradigm, reflected in public programmes, and within the planned command economy framework. In the same ways it proposes to achieve an inter-regional socio-economic balance.

The People's Republic of China (PRC) also faces the problem of reducing rural-urban social inequality. It looks as if it is trying to solve the problem by applying direct measures that can even reverse the processes of urbanization.

This article proposes to analyze and adopt the most effective ways of reducing rural-urban inequality, as practiced in China. It is also possible to incorporate in the Chinese state's management of social processes the methods of reduction of inequality between rural and urban populations, created by the dirigiste trends of Russian public thought, since the socio-economic system of the PRC readily assimilates elements of the planned economy.

Keywords: social inequality, urban residents, rural residents, urbanization, market economy, planned economy, management of social processes, balanced development

For citing: Antoncheva O.A., Apanasenko T.E. Reducing the Rural-Urban Social Inequality: Chinese and Russian Comparative Experience // Administrative consulting. 2021. N 1. P. 61–76.

Введение

Острую проблему несбалансированного регионального развития правительство КНР пытается решить с помощью социальной политики: своеобразного предоставления социального кредита в форме доступа к определенным благам мигрантам в средние и малые города. Как будет показано, с помощью данных мер социальной политики предлагается решать проблему социального неравенства между жителями города и деревни, которая стоит перед китайским обществом, стоит еще более остро, чем перед российским.

В России указанную проблему предполагается решить как мерами социальной политики, так и мерами управления социально-экономическими процессами с помощью инструментов макроэкономической политики. Сравнение данных мер и инструментов представляется актуальным для разработки политики улучшения условий социальной жизни села в обеих странах.

Сокращение социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности в России

Социальное неравенство между городским населением и жителями сельской местности в России является очевидным. Рассмотрим, как предполагается его сократить в рамках разных парадигм социально-экономического развития.

Соотношение среднедушевых денежных доходов в городе и селе на основании бюджетных обследований домашних хозяйств Росстата представлено в табл. 1.

Как видно из табл. 1, среднедушевые доходы городского населения значительно выше, чем сельского, однако из той же таблицы видно, что доходы сельского населения, начиная с 2010 г., растут быстрее, чем городского. В 2003–2009 гг. доходы сельского населения составляли 50–57% от доходов городского населения, и величина эта колебалась от года к году, в 2010 г. они составляли 60%, а в 2011 г. — 62%, с 2015 г. не опускаются ниже 63%, а в 2018 г. составляют 65%. Несмотря на данную положительную динамику, доходы сельского населения ощутимо ниже, чем доходы городского.

Графики плотности распределения городского, сельского и всего населения Российской Федерации по размеру месячного среднедушевого денежного дохода явно демонстрируют меньший уровень дохода селян по сравнению с горожанами. Модальные значения кривых (т. е. наиболее часто встречающиеся значения дохода) в селе ниже, чем в городе. Кривая, символизирующая плотность распределения домашних хозяйств по оценке своего финансового положения, у сельских жителей смещена влево по отношению к кривой городских, как это видно на рис. 1 и рис. 2. Распределение сельских жителей происходит в интервалах меньших доходов, как это следует из оценки своего финансового положения, на всех графиках без исключения, т. е. за все годы.

Соотношение среднедушевых денежных доходов в городе и селе

Table 1. Per capita monetary income ratio in urban and rural areas

Год	Среднедушевые денежные доходы (город), тыс. р. в мес.	Среднедушевые денежные доходы (село), тыс. р. в мес.	Отношение среднедушевых доходов сельского населения к среднедушевым доходам горожан, %
2003	3,9	2	51
2004	4,2	2,2	52
2005	6	3	50
2006	7	4	57
2007	9	4,9	54
2008	12	6	50
2009	12,2	7	57
2010	14	8,1	60
2011	16	10	62
2012	18	11	61
2013	20	12	60
2014	22	13	59
2015	23	15	65
2016	24	15	63
2017	25	16	64
2018	26	17	65

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2018 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения: 18.01.2020); Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2016 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b16_102/Main.htm (дата обращения: 18.01.2020); Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2014 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm (дата обращения: 18.01.2020); Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2012 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b12_102/Main.htm (дата обращения: 18.01.2020); Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2011 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): сб. ст. / Росстат, М., 2012.

Динамика кривых по годам, однако, общая, как это видно, если сравнить рис. 1 и рис. 2: форма кривых распределения городских и сельских жителей изменяется практически синхронно, т.е. неравенство доходов города и деревни исходя из плотности распределения по оценке своего финансового положения не расширяется и не сокращается.

Таким образом, можно предположить, что удручающая картина бедности деревни по сравнению с городом остается неизменной на протяжении всего рассматриваемого временного периода, более же быстрый рост доходов сельского населения в отдельные временные периоды обязан своим существованием худшим стартовым условиям.

Рис. 1. Плотность распределения домашних хозяйств по оценке своего финансового положения, 2018 г.

Fig. 1. Distribution of households according to their financial status, 2018

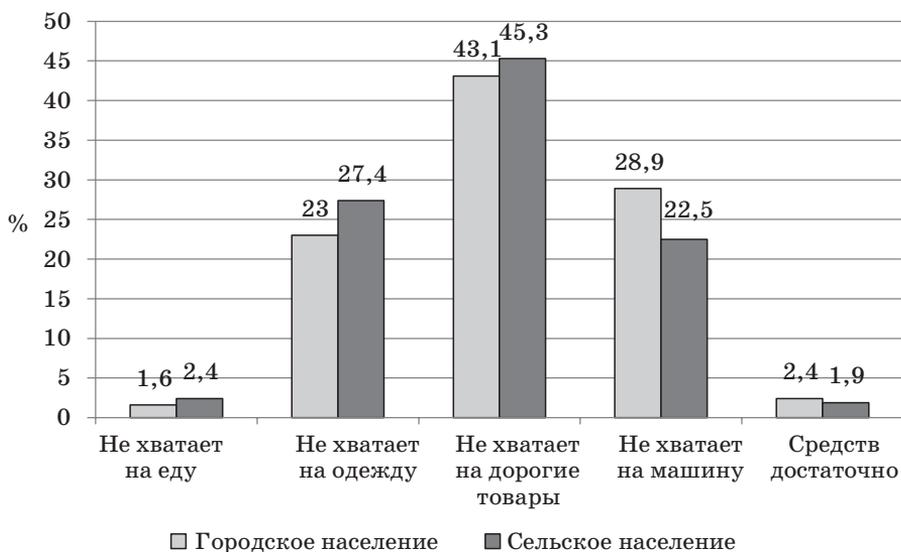

Рис. 2. Плотность распределения домашних хозяйств по оценке своего финансового положения, 2010 г.

Fig. 2. Distribution of households according to their financial status, 2010

Следует также отметить, что помимо количественных показателей дохода, неравенство городских и сельских жителей может еще выражаться в различной степени доступа к благам. Это косвенные показатели, выражающиеся, например, в количестве школ, заболеваемости, обеспеченности интернетом и т.п. Худшее положение селян по сравнению с горожанами в этом отношении достаточно очевидно, при этом обнаружить какие-либо формализованные статистические данные по этим косвенным показателям достаточно трудно. Однако категория доступа к благам является важной при разработке путей снижения неравенства между городским населением и жителями сельской местности.

Причины неравенства социально-экономического положения жителей города и деревни и способы его преодоления

Основным фактором сельской бедности большинство авторов считают *моноотраслевой* характер сельской экономики. Иные факторы, например, такие, как распространение неформальной сельскохозяйственной занятости [22, с. 31], в итоге также сводятся к этому. В официальных документах, государственных программах и исследованиях, на основе которых они вырабатываются¹, отраслевая диверсификация села является главным средством сокращения социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности. (Вспомогательными инструментами считаются прямое бюджетное финансирование, закупочные интервенции, введение целевых нормативных показателей.)

Воспроизводящаяся ограниченность доступа сельских жителей к современным благам является традиционной, свойственной и домодернизационному обществу. Она закрепляется слабой инфраструктурой и более низкими по сравнению с городом доходами. Причинами слабой инфраструктуры являются следующие: 1) моноотраслевой характер сельской экономики; 2) более низкие зарплаты в сельскохозяйственном секторе²; 3) большая уязвимость моноотраслевой экономики. Последнее подразумевает, что падение в одном секторе невозможно ничем компенсировать, и это означает падение всей местной экономики в целом.

Все проекты модернизации — и Россия 1990-х годов не исключение — предлагали диверсификацию сельской экономики. Предполагалось, что модернизация сельскохозяйственного сектора высвобождает из него лишний труд, его-то и аккумулируют новые сектора экономики. Тем самым отраслевая диверсификация предотвратит угрозу безработицы, а следовательно, и утечку из села квалифицированных кадров, значит, и снижение качества рабочей силы. Кроме того, отраслевая диверсификация уравнивала бы риски зависимости от только одной отрасли и обеспечила бы доступ жителей села к товарам и услугам.

¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 1999–2013 гг. (вып. 1–15) / М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации, Всерос. НИИ экономики сел. хоз-ва РАСХН, Центр всерос. мониторинга соц.-трудовой сферы села. М. ФГБНУ «Росинформагротех», 2000–2014; Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ; Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.», утвержденная постановлением Правительства РФ от 14.07.2007 № 446 (ред. от 23.04.2012); Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., утвержденная постановлением Правительства РФ от 14.07.2012 № 717; Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р; Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (ред. от 13.01.2017); Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 г. № 696; Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 25.08.2017 № 996.

² Россия в цифрах — 2019 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_11/Main.htm (дата обращения: 18.01.2020). Исключение составляют отрасли, где заработная плата еще ниже, чем в сельском хозяйстве: с 2008 г. — текстиль и швейное производство; с 2012 г. — производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; с 2014 г. — производство мебели; обработка древесины; производство прочих готовых изделий (последнее — за исключением 2017 и 2018 г.); с 2015 г. — деятельность почтовой связи и курьерская деятельность; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания.

Следующая причина сельской бедности состоит в том, что занятость в сельском хозяйстве России остается все еще в 2–3 раза выше, чем в развитых экономиках¹, чем объясняется низкий уровень заработных плат в сельском хозяйстве. Это следствие неполной модернизации российского сельскохозяйственного сектора. Полная модернизация в условиях моноотраслевой экономики приведет к усилению сельской бедности, поскольку вызовет безработицу. Лишняя рабочая сила, высвободившаяся из сельского хозяйства в силу его модернизации, не сможет найти себе применения, если других отраслей не будет создано.

Новые отрасли промышленности, появлению которых будет способствовать эффект агломерации, аккумулируют рабочую силу, высвободившуюся из сельскохозяйственного сектора. Это высвобождение произойдет в силу завершения модернизации в сельскохозяйственном секторе.

Отечественная статистика страдает неполнотой сравнимых фактов по городу и деревне, представляя данные в разрезе федеральных округов, однако выравнивание дисбаланса между федеральными округами предполагается осуществлять по точно такой же схеме: за счет отраслевой диверсификации экономики регионов [10; 19; 18; 23, с. 366–429; 20, с. 143; 6; 1; 3; 15]. Отраслевая диверсификация экономики территориального субъекта вообще предстает как способ повышения уровня жизни его населения [5].

Отраслевая диверсификация предполагает применение рыночных методов регулирования экономики. Рыночные методы такого регулирования разрабатывались в теории региональной политики, которая включает стимулирование размещения новых предприятий в районах с высокой безработицей (низким экономическим ростом, низким уровнем дохода; построение региональной политики на различиях в нормах безработицы между регионами является британской традицией теории региональной политики), поддержку фирм, работающих в районах с низкой деловой активностью и создание доходов путем увеличения государственных расходов в этих регионах. Эффективность такой политики всегда вызвала острые дискуссии среди экономистов [24].

Теория региональной политики основана на экономической теории местоположения (на классических работах И. Г. фон Тюнена [27], А. Вебера [26], А. Леша [32], У. Айзарда [30], В. Кристаллера [25]); ее модификация, связанная с заменой априорного допущения о максимизации прибыли поведенческой теорией фирмы — на теории Г. Хотеллинга [29]. Традиционно, рыночные методы регулирования депрессивной территории [28], направленные на улучшение ситуации в ней, опираются на модели кумулятивного воздействия [33; 34] и теории полюсов роста Ф. Перру [31; 35].

Однако тенденция обращения к методам прямого планирования экономического развития существует даже в правительственных программах и в выступлениях ученых, на них работающих. Данная тенденция становится заметной в своей мягкой версии в государственных программах, когда поднять зарплаты в сельскохозяйственном секторе предлагается все же за счет государственных субсидий, льготного кредитования АПК и с помощью закупочных интервенций. Затем полным диссонансом с рыночной идеологией проходит предложение о федеральном законе, который обеспечил бы паритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности (А. С. Шелепа, члена-корреспондента Россельхозакадемии, директо-

¹ На 1 декабря 2018 г. доля занятых в сельском хозяйстве России составляла 5,845, США — 1,425, Великобритании — 1,155, Германии — 1,275, Франции — 2,65, Италии — 3,755, Японии — 3,415, Канады — 1,55, Австралии — 2,575. [Электронный ресурс]. URL: (https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomic&data_type=economic&data_ticker=AgricultureEmploy (дата обращения: 19.01.2020)).

ра Дальневосточного НИИ экономики и организации АПК — в рамках дискуссионного клуба) [13, с. 40]. Есть мнение даже о фатальной невозможности «добиться правильных соотношений в обмене между сельским хозяйством и промышленностью на чисто ценовой основе» [11, с. 13].

Далее мы рассмотрим наиболее «чистую» по типу прямого планирования экономического развития территорий схему выравнивания социально-экономических дисбалансов между территориальными образованиями, не имеет значения — между регионами или же между городом и селом.

Пути решения проблемы социального неравенства между городом и деревней в рамках парадигмы смешанной (планово-рыночной) экономики

Отраслевая диверсификация рыночными методами в условиях нашей страны представляется невозможной. Для этого требуется радикальное снижение налоговой нагрузки с предприятий отраслей, нужных в определенных регионах. Кроме того, эти предприятия должны быть обеспечены дешевыми и длинными кредитными деньгами, на что существующая модель экономики в российских условиях неспособна.

Причина в том, что для снижения кредитных ставок необходимо радикальное подавление инфляции, но это ведет к повышению обменного курса рубля выше паритетного значения из-за действия «голландской болезни» и, как следствие, к снижению ценовой конкурентоспособности отечественной продукции и вытеснению ее с рынков. Снижение же налогов ведет к снижению доходов государственного бюджета, который и так недостаточен для обеспечения социальных обязательств государства.

Только за счет прямого управления предприятиями государством можно мобилизовать ресурсы для решения проблемы. Поэтому рыночная экономика нуждается в дополнении механизмами директивного государственного регулирования, превращающими рыночную экономику в двухсекторную планово-рыночную. Модель такой экономики предложил Г. В. Закиматов [8].

Отличительной особенностью этой экономики является одновременная работа предприятий, независимо от их формы собственности, в плановом секторе экономики под управлением государства и в рыночном секторе экономики на условиях свободного предпринимательства. В качестве валюты, обслуживающей рыночный сектор экономики, используются существующие деньги с денежной единицей «рубли», а в качестве валюты, обслуживающей плановый сектор, используются бюджетные деньги.

Бюджетные деньги фактически превращаются во вторую квазивалюту с условным названием «казенные деньги» (к-деньги) и денежной единицей «казенный рубль» при отделении их путей хождения на стадии производства продукции от сферы обращения остальной денежной массы. К-деньги автоматически конвертируются в пропорции один к одному в обычные деньги в момент оплаты государством своих расходов, не связанных с госзаказом, и в момент оплаты предприятиями зарплат своим работникам. В плановом секторе экономики используются номинально низкие государственные цены и тарифы. Используется завышенный фиксированный обменный курс к-денег на иностранную валюту. Таким образом, к-деньги являются обычными деньгами, но имеющими повышенную покупательную способность за счет низких государственных цен.

Двухсекторная планово-рыночная экономика способна снизить неравенство доходов жителей города и села за счет управления инвестиционными процессами посредством установления нормативов квазисубсидированного кредитования, определяющих долю инвестиционных кредитов, выдаваемых в дорогих к-деньгах. Попадают данные кредиты обычными дешевыми деньгами. Эти деньги поступают

в банк-кредитор и автоматически конвертируются в пропорции один к одному в к-деньги.

Этот механизм равнозначен кредитованию с отрицательной процентной ставкой, однако здесь не требуются финансовые затраты со стороны государства на субсидирование процентных ставок. Управление инвестиционным механизмом с помощью к-денег позволит, по мнению авторов, направить инвестиционный процесс в сторону сельского хозяйства, отраслей, способных дифференцировать экономическую специализацию села, инфраструктурного строительства. Это, а также увеличение прямо перераспределяемых доходов, для чего, в основном, и создается плановый сектор экономики, решит проблему социального неравенства между жителями города и села.

Сокращение социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности в Китае

Неравенство между городом и селом и урбанизация

Проблемы преодоления социального неравенства между жителями города и села в Китае разительно отличаются от проблем, с которыми сталкивается Россия, поскольку в Китае они неразрывно связаны с феноменом урбанизации. Урбанизация в Китае осуществлялась настолько эффективно и проходила столь быстрыми темпами¹, что социальное положение недавно урбанизированных жителей слишком крупных городов стало хуже, чем положение жителей села. В этих условиях китайское правительство прямыми методами регулирования запустило процесс дезурбанизации, или обратной урбанизации, стремясь осуществить деконцентрацию жителей, распределив их по городам средних размеров. И на этом этапе управления социально-экономическими процессами методы этого управления становятся крайне интересными, с российской точки зрения, ведь перед Россией стоит задача, в какой-то степени сходная с дезурбанизацией: предотвращение вымирания и опустошения села.

Бурное развитие урбанизации в Китае объясняется ее сравнительно поздним стартом в силу исторических причин. Среди них вестернизация с открытием внешней торговли лишь с середины XIX в.; тяжелейшая экономическая ситуация после гражданских войн и войны с Японией (численность городского населения составляла к 1949 г. 10% [16, с. 129]); отрицательное отношение к урбанизации, считавшейся явлением, характерным только для капиталистических стран, со стороны КПК в период правительственных кампаний «Большой скачок» 1958–1960 гг. и «Культурная революция» 1966–1976 гг. и введение института семейной регистрации Хукоу (Hukou, иногда также называется пропиской) в 1958 г.

Процесс урбанизации в Китае начинается с 1978 г., с реформ Дэн Сяопина, когда создание особых экономических зон привело к росту количества рабочих мест и запустило рост числа сельских мигрантов, впоследствии составивших население крупнейших в мире мегаполисов. Правительство осознавало необходимость урбанизации для модернизации экономики, поскольку трудовая миграция сельских жителей составляла и составляет основу дешевой рабочей силы, и система регистрации была ослаблена (население получило право временной регистрации, позволявшей трудоустройство), коллективизация в сельскохозяйственном секторе отменена, в результате чего жители села получили свободу поиска работы и пере-

¹ В соответствии с данными Официального Бюро Статистики КНР за 1978–2015 гг. процент городского населения вырос с 17,95 до 54,775. Прирост составил ок. 580 млн чел. China Statistic Press, 2015; цит. по [16, с. 129].

движения, и к 1984 г. в Китае произошел городской взрыв. Около миллиона сельских жителей за один год стало горожанами [16, с. 130].

К 2010 г. горожанами было уже 5% населения страны [16, с. 130]. Динамика урбанизации в Китае за последние годы представлена в табл. 2.

Однако темпы урбанизации, по мнению китайского правительства, все же не были удовлетворительными, они по-прежнему отставали от темпов модернизации, и, начиная с 10-летнего пятилетнего плана (2001–2005), тема урбанизации была включена в ряд первоочередных вопросов государственного планирования и имела развитие в 11-м, 12-м и 13-м пятилетних планах, а также в Национальном плане урбанизации нового типа (2014–2020).

При этом Китай так же, как и Россия, сталкивается с диспропорциями регионального развития. Две трети мигрантов направляются из внутренних районов в прибрежные города. Их главными центрами притяжения являются три агломерации — дельта реки Чжуцзян, дельта реки Янцзы и Бохайское кольцо. На юго-восточных территориях, занимающих 43,85% территории страны, проживает 94,15% населения страны, тогда как на северо-западных землях, занимающих 56,25% территории, проживает 5,95% жителей [16, с. 131].

Таблица 2

Динамика урбанизации в Китае

Table 2. The urbanization dynamics in China

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Пропорции городского населения на конец года, %	49,95	51,27	52,57	53,73	54,77	56,1	57,35	58,52	59,58

Источник: China Statistical Yearbook 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (дата обращения: 27.01.2020).

Уровень урбанизации также дифференцирован: минимальный он на юго-западе — менее 41%, а максимальный на востоке — более 65%. Самый же высокий уровень — свыше 75% — свойственен городам центрального подчинения: Шанхаю, Пекину и Тяньцзиню [14, с. 38]. 27 ноября 2014 г. глава правительства Ли Кэцян поставил задачу перед учеными страны найти возможность увеличить плотность заселения северо-западных провинций. Так как 90% городов Китая расположено в юго-восточной части страны, правительство Китая поставило задачу строительства новых средних и малых городов во внутренних и западных пограничных районах страны.

Положение сельского населения, жителей городов без прописки и жителей перенаселенных городов

Социальное неравенство между жителями города и сельской местности в Китае в настоящий момент очень велико. Доходы горожан в Китае в 3,05 раза превышали доходы сельских жителей, в России — в 1,67 раз [12, с. 183]¹. В табл. 3 приведены доходы городских и сельских жителей в Китае, однако способ их под-

¹ В силу статистических особенностей сбора данных они с большим трудом приводятся к сопоставимой форме, в исследовании Л. И. Новорожковой для этого была проведена большая работа. Данные по Китаю относятся к 2002 г., данные по России — к 2003 г.

Соотношение среднедушевых доходов в городе и в селе в Китае

Table 3. The ratio of per capita income in urban and rural areas in China

Год	Среднедушевые денежные доходы (город), юани	Среднедушевые денежные доходы (село), юани	Отношение среднедушевых доходов сельского населения к среднедушевым доходам городского, %
2013	26 467,0	9 429,6	35,63
2014	28 843,9	10 488,9	36,36
2015	31 194,8	11 421,7	36,61
2016	33 616,2	12 363,4	36,79
2017	36 396,2	13 432,4	36,91
2018	39 250,8	14 617,0	37,24

Источник: China Statistical Yearbook 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (дата обращения: 27.01.2020).

счета не позволяет их сопоставить с данными по России, приведенными в табл. 1 (они произведены на основании определения дохода как суммы доходов; в России такие данные не представлены в разрезе город/село, а те, что представлены, произведены на основании дохода как суммы расходов, в Китае же данные по доходу на основе микроэкономического подхода охватывают только жителей города).

Но даже приблизительное сопоставление среднедушевых доходов в городе и селе показывает, что социальное неравенство между горожанами и селянами в Китае выше. В основе этого неравенства лежит, так же как и в России, отсутствие рабочих мест в сельских регионах, большой разрыв в доходах сельских и городских жителей и отсутствие в сельских регионах доступа к социальным благам, таким как медицина, высшее образование и др. В России, в отличие от Китая, стремление обеспечить доступ сельским жителям к социальным благам традиционно закреплено на законодательном уровне. В Китае же это никогда не было целью государственной социальной политики.

«Абсолютный разрыв в уровне доходов между городскими и сельскими жителями в 1978 г. составил менее 210 юаней, однако к 2012 г. вырос до 16 648 юаней» [2, с. 170].

Социальное положение недавно урбанизированных жителей городов, лишенных прописки, равно положению сельских жителей: и те, и другие не имеют доступа к социальным благам. Мы не говорим здесь о размере дохода на душу населения, поскольку он с трудом поддается учету из-за отсутствия института прописки¹.

В 2012 г. доля бесправного городского населения (лишенного прописки) составляла 64,7%², дети из семей трудовых мигрантов не имели доступа к государственному образованию. 43,1% городских жителей в 2012 г. были лишены базового пенсионного обеспечения³. Лишь охват государственным медицинским страхованием распространялся на трудовых мигрантов в городе почти равномерно, как и на жителей городов, обладающих пропиской: в 2012 г. доступность государственного медицинского страхования для городских жителей составляла 95%, к 2020 г.

¹ «Число нигде не зарегистрированных граждан назвать невозможно» [4, с. 317], следовательно, и их подушевой доход.

² Национальный план урбанизации нового типа (2014–2020).

³ Там же.

ее планировалось поднять до 98%¹. Сельские жители в Китае лишены доступа к государственному медицинскому страхованию.

Чрезмерная концентрация жителей в крупных городах снизила доступ жителей городов, как обладающих пропиской, так и не обладающих ей, к так называемым общественным благам, чем ухудшило их положение по сравнению с жителями села. Среди этих общественных благ: доступ к питьевой воде, доступ к свежему воздуху, проблемы с очисткой сточных вод и с утилизацией бытовых отходов, доступ к пространству, «пробки на дорогах, нехватка природных ресурсов, ухудшение состояния окружающей среды, все более усиливающаяся нагрузка на государственные службы и т. д.» [7, с. 32; см. также об этом 17].

В 2012 г. только 81,2% жителей городов обладали доступом к питьевой воде. К 2020 г. предполагалось поднять эту долю до 90%. В 2012 г. менее 50% городов префектурного уровня соответствовало китайскому стандарту качества воздуха². Компактная застройка как средство гармонизации урбанизационных процессов предполагает ограничить городское пространство менее 100 м² в расчете на каждого жителя³.

Проблемы из-за концентрации населения в крупных городах заставили руководство КПК на XVIII съезде поставить задачу всестороннего развития малых и средних городов (до 500 тыс. чел.).

Дезурбанизация в Китае касается только направления потоков миграции из крупных городов в средние и мелкие, но сама продолжающаяся урбанизация в Китае востребована: основу дешевой рабочей силы для растущей китайской экономики по-прежнему составляет трудовая миграция сельских жителей, и, несмотря на высокие темпы урбанизации, сельской местности Китая по-прежнему присуща все еще высокая плотность населения. Согласно Национальному плану урбанизации нового типа (2014–2020), к 2020 г. доля городского населения должна составить 60%. Как следует из табл. 2, Китай близок к достижению этой цели.

Манипулирование пропиской как инструмент сбалансированного регионального развития

Дезурбанизации предполагается достичь за счет манипулирования пропиской (Хукоу). Суть системы регистрации населения заключается в том, что человек получает регистрацию лишь по месту рождения, и в зависимости от этого места различаются его права на социальные привилегии. Так, например, граждане, рожденные в одном населенном пункте, не могут получить медицинское обслуживание, образование или социальные выплаты в другом населенном пункте. Самыми значительными правами обладают владельцы городской регистрации Шанхая, наименьшими — жители сельских местностей.

Данный институт при его введении был призван сократить распространение трущоб⁴, этому же в определенной степени он служит и в настоящее время. Ради воплощения в жизнь цели остановки потока трудовых мигрантов в крупные города и развития малых и средних городов, поставленной XVIII съездом КПК, в 2014 г. для малых и средних городов была отменена система регистрации населения. Для крупнейших городов страны система регистрации как инструмент социального неравенства была сохранена. «Китайское правительство придерживается дифференцированного многоступенчатого подхода, в соответствии с которым критерии полу-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Л. Лянь считает институт прописки именно инструментом социального неравенства между городом и деревней [9, с. 80].

чения постоянной прописки ужесточаются в зависимости от размера поселения» [21, с. 43]. Тем самым предлагается сделать крупнейшие города непривлекательными для трудовой миграции.

Манипуляция пропиской позволит сократить социальное неравенство между коренными жителями городов и жителями городов — недавними сельскими мигрантами, чье положение из-за отсутствия доступа к социальным благам сопоставимо с положением жителей села, его не покидавших. Так, согласно Национальному плану урбанизации нового типа (2014–2020), доля городского населения, обладающего пропиской, должна составить 45% (в 2012 г. она составляла 35,3%). Доступ к государственному образованию детей из семей трудовых мигрантов к 2020 г. должен был составить более 99% (в 2012 г. таковой отсутствовал). Базовое государственное пенсионное обеспечение городских жителей должно было составить к 2020 г. более 99% (в 2012 г. оно составляло 66,9%).

Правительство КНР, таким образом, расширяя и сужая права отдельных категорий населения, направляет потоки мигрантов из сельской местности и крупных городов в средние и малые города, тем самым улучшая положение населения всех трех категорий территориальных образований.

Выводы

Проблема ликвидации социального неравенства между городом и селом и в России, и в Китае упирается в проблему диспропорций регионального развития.

В России данная проблема решается: рыночными методами диверсификации отраслей экономики, но более на декларативном уровне; в большей степени прямым перераспределением трансфертов; в рамках альтернативных парадигм социально-экономического развития России предлагается решать данную проблему прямыми экономическими методами регулирования с помощью перехода к двухуровневой планово-рыночной экономике.

В Китае данная проблема решается методами прямого внеэкономического регулирования социально-экономических процессов — манипулированием доступом к социальным благам с помощью института прописки.

На основании произведенного анализа выработаны следующие рекомендации.

1. Для Китая, демонстрирующего высокую степень управляемости экономикой со стороны государства:
 - ♦ выделить плановый сектор экономики под прямым управлением государства, функционирующий параллельно рыночному сектору экономики;
 - ♦ ввести в национальном масштабе вторую национальную валюту, или квазивалюту, представляющую собой бюджетные деньги, обслуживающие исключительно предприятия, функционирующие в плановом секторе экономики;
 - ♦ отделить пути хождения бюджетных денег на стадии производства продукции от сферы обращения остальной денежной массы;
 - ♦ использовать в плановом секторе экономики номинально низкие государственные цены и тарифы;
 - ♦ использовать завышенный обменный курс квазиденег на иностранную валюту;
 - ♦ автоматически конвертировать бюджетные деньги в обычные деньги в пропорции один к одному в момент оплаты государством своих расходов, не связанных с госзаказом, и в момент оплаты предприятиями зарплаты своим работникам;
 - ♦ выдавать кредиты, направленные на стимулирование инвестиционных процессов для отраслевой диверсификации экономики сельской местности, в дорогих бюджетных деньгах, а погашать в дешевых обычных деньгах.
2. Для России в порядке использования опыта Китая: разработать систему социальных привилегий, предоставляя их квалифицированным мигрантам в сельскую

местность, способным обеспечить рабочую силу для диверсификации экономики села.

Литература

1. *Борисова И. С.* Диверсификация экономики как способ повышения устойчивости функционирования территориально-производственного комплекса с отраслевой доминантой // *Интеграл*. 2014. № 4. С. 82–83.
2. *Ван Ихуан.* Китай // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2013. Т. 8. № 3. С. 169–180.
3. *Ванюшкин А. С.* Отраслевая диверсификация экономики Крыма как инструмент регионального развития // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 24. С. 119–126.
4. *Вихарева Н. А.* Проблема социального неравенства в Китае // *Язык и культура: сб. ст. XXVII Междунар. науч. конф. Томск, 2017*. С. 316–318.
5. *Дешина С. П.* Диверсификация экономики моногорода как фактор снижения социальной напряженности // *Вестник Ижевского государственного технического университета*. 2010. № 1. С. 69–72.
6. *Железняков С. С., Рисин И. Е.* Стратегическое планирование снижения пространственной социально-экономической асимметрии в субъектах Российской Федерации // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2018. № 3. С. 144–150.
7. *Жида Г., Чженфен Л., Ключев А. В.* Структура и тенденции внутренней и внешней миграции в Китае и России (на примере Пекина и Санкт-Петербурга) // *Управленческое консультирование*. 2014. № 4 (64). С. 23–33.
8. *Закиматов Г. В.* Централизованное директивное планирование в рыночной экономике — новое качество экономики // *Экономика и управление*. 2014. № 6. С. 66–72.
9. *Лянь Л.* Социальное неравенство, реформы и открытое общество в Китае // *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 78–83.
10. *Михеева Н. Н.* Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // *Регион. Экономика и социология*. 2016. № 4 (92). С. 196–217.
11. *Найденев Н. Д.* Рыночные методы регулирования экономики региона. Автореферат дис. ... д.-ра экон. н. 08.00.01 Политическая экономия. СПб.: СПб Университет экономики и финансов, 1995. 29 с.
12. *Новорожкина Л. И., Густафсон Б., Ли Ш.* Декомпозиция доходного неравенства в Китае и России между городом и селом // *Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа, аудита, налогообложения и статистики: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»*. 2008. Ростов/н Д, 2008. С. 180–185.
13. *Обеспечить реализацию Государственной программы развития сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России*. 2008. № 10.
14. *Плесский Н. С.* Особенности урбанизационных и миграционных процессов современного Китая // *Известия Восточного института*. 2015. № 2 (26). С. 38–42.
15. *Сергеева Н. М., Дендан Г. М., Быстрицкая А. Ю., Зюнин Д. А.* Перспективы диверсификации отраслевой структуры экономики Курской области // *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 10–2 (87). С. 209–213.
16. *Сун И Мин, Лысая Д. А.* Обзор тенденций развития урбанизации в Китае / *Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: Материалы Международной научно-практической конференции: сб. ст. М., 2016*. С. 128–133.
17. *Сюдун Ван.* Изменяющийся Китай // *Валютное регулирование. Валютный контроль*. 2019. № 4. С. 45–47.
18. *Торшина Л. В.* Роль диверсификации структуры экономики в обеспечении устойчивого развития региона // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 118. М. : Международная академия менеджмента, 2009. С. 224–235.
19. *Чарочкина Е. Ю.* Стратегия диверсификации региональных кластеров как условие эффективности региональной экономики // *Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 19–20 марта 2015 г. В 2-х т. / Отв. ред. Горохов А. А.* Т. 1. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2015. С. 133–136.
20. *Чернова В. В.* Многополярная модель реализации экономических интересов регионов — концепт экономической безопасности национального хозяйства // *Социально-экономические явления и процессы*. 2010. № 1 (17). С. 134–151.

21. Чубаров И. Г. Результаты государственной политики КНР в области урбанизации по итогам 12-й пятилетки и перспективы до 2020 г. // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 г.: сб. ст. РАН; ФГБНУ Институт Дальнего Востока РАН. М., 2017. С. 39–48.
22. Шабанов В. Л. Факторы и причины сельской бедности в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 31–35.
23. Якишин Ю. В. Управление структурой экономики региона: теоретические положения и практические рекомендации. СПб. : Лигр, 2019. 455 с.
24. Armstrong H., Taylor J. Regional Economic Policy. Oxford : Philip Allan, 1978.
25. Christaller W. (transl. C.W. Baskin). Central Places in Southern Germany. N.Y. : Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1966.
26. Friedrich C. J. Alfred Weber's Theory of the Location of Industries. Chicago : Chicago University Press, 1929.
27. Hall P. (ed.). Von Thünen's Isolated State. Oxford : Pergamon Press, 1966.
28. Herzog H. W., Olsen R. J. Shift-share Analysis Revisited: The Allocation Effect and the Stability of Regional Structure, a Reply // Journal of Regional Science. 1979. N 19. P. 393–395.
29. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. Mar. Vol. 39 (153). P. 41–57.
30. Isard W. Location and the Space Economics. Cambridge, USA : MIT Press, 1956.
31. Lasuén J. R. On Growth Poles // Urban Studies. 1969. N 6. P. 137–152.
32. Lösch A. (transl. W. H. Woglom). The Economics of Location. New Haven : Yale University Press, 1954.
33. Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. London : University Paperbacks, Methuen, 1957.
34. O'Hara P. A. Principle of Circular and Cumulative Causation: Fusing Myrdalian and Kaldorian Growth and Development Dynamics // Journal of Economic Issues. 2008. Vol. 42. Is. 2. Papers from the 2008 AFEE Meeting. P. 375–387.
35. Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. V. 14. P. 88–122.

Об авторах:

Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; antoncheva-oa@ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Borisova I. S. Diversification of the economy as a way to improve the sustainability of the territorial production complex with a dominant industry // Integral [Integral]. 2014. N 4. P. 82–92. (In rus)
2. Wang Yihuan. China // Bulletin of international organizations: education, science, new economy [Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2013. Vol. 8. N 3. P. 169–180. (In rus)
3. Vanyushkin A. S. Multi-sector diversification of the Crimean economy as an instrument of regional development // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2015. N 24. P. 119–126 (In rus)
4. Vihareva N. A. The problem of social inequality in China // Language and Culture. Digest of articles of the XXVIIth international scientific conference [Yazyk i kul'tura: sb. st. XXVII Mezhdunar. nauch. konf.]. Tomsk, 2017. P. 316–318. (In rus)
5. Dyoshina S. P. Diversification of the economy of a single-industry town as a factor in reducing social tension // Bulletin of Izhevsk State Technical University [Vestnik Izhevskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta]. 2010. N 1. P. 69–72. (In rus)
6. Zheleznyakov S. S., Risin I. E. Strategic planning to reduce spatial socio-economic asymmetry in the constituent entities of the Russian Federation // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy [Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii]. 2018. N 3. P. 144–150. (In rus)

7. Rida Ga, Zhenfeng Li, Klyuev A.V. The Structure and Trends of Internal and External Migration in China and Russia (Exemplarily Discussed on the Instances Beijing and Saint-Petersburg) // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 4 (64). P. 23–33. (In rus)
8. Zakimatov G.V. A Suggested New Economy for the Russian Federation Based on a Centralized Market-Planning Approach // Economics and Management [Ekonomika I upravlenie]. 2014. N 6. P. 66–72. (In rus)
9. Lian L. Social inequalities, reforms and open society in China // Sociological Research [Sociologhicheskie issledovaniya]. 2015. N 5. P. 78–83. (In rus)
10. Mikheeva N.N. The Diversification of Regional Economic Structure as a Growth Strategy: Pros and Cons // Region. Economics and Sociology [Region. Ekonomika I sociologiya]. 2016. N 4 (92). P. 196–217. (In rus)
11. Naidenov N.D. Rynochnye metody regulirovaniya ekonomiki regiona. Extended abstract of Doctor's dissertation in Economics 08.00.01. Political Economy. Saint-Petersburg : Saint Petersburg State University. 1995. (In rus)
12. Nivorozhkina L.I., Gustafson B., Li Sh. Decomposition of rural-urban income inequality in China and Russia // Topical issues of accounting, analysis, audit, taxation and statistics: Proceedings of the Third All-Russian Scientific and Practical Conference [Aktual'nye problemy buhgalterskogo ucheta, analiza, audita, nalogooblozheniya I statistiki: Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. Rostov State Economic University of Economics. Rostov-on-Don, 2008. P. 180–185. (In rus)
13. Ensure the implementation of the State program for the development of agriculture // Economy of agriculture of Russia [Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii]. 2008. N 10. (In rus)
14. Plesskiy N.S. Features of urbanization and migration processes in contemporary China // News-bulletin of the Institute of Oriental studies [Izvestiya Vostochnogo instituta]. 2015. N 2 (26). P. 38–42. (In rus)
15. Sergeeva N. M., Dendan G. M., Bystryckaya A. Yu., Zyunin D. A. The perspectives of diversification of the sectoral structure of Kursk region economy // Journal of Economy and Entrepreneurship [Ekonomika I predprinimatel'stvo]. 2017. N 10–2 (82). P. 209–2013. (In rus)
16. Sun I Min, Lisaia D. A. Chinese Urbanization: the Overview of the Development Trends // Science, Education and Experimental Design. Moscow Architectural Institute writings. Digest of articles [Nauka, obrazovanie I eksperimental'noe proektirovanie. Trudy MARHI: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: sb. st.]. M., 2016. P. 128–133. (In rus)
17. Wang Xudong. Changing China // Currency Regulation. Currency Control [Valyutnoe regulirovanie. Valyutnyj kontrol']. 2019. N 4. P. 45–47 (In rus)
18. Torshina L.V. The role of the economic structure diversifying in ensuring sustainable development of the region // Works of the VEO of Russia [Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2009. Vol. 118. M. : International Management Academy. P. 224–235. (In rus)
19. Charochkina E. Yu. Cluster diversification strategy as a condition for regional economy efficiency // Cluster Initiatives in the Formation of a Progressive Structure of the National Economy: A Digest of Scientific Works of the International Scientific and Practical Conference [Klasternye iniciativy v formirovanii progressivnoj struktury nacional'noj ekonomiki: Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. March, 19–20, 2015. In 2 vol. / ed. A. A. Gorohov. Vol. 1. Kursk : The Southwest State University, 2015. P. 133–136. (In rus.)
20. Chernova V.V. Concept of economic security of national economy at context of region economic interest implementation // Social-Economic Phenomena and Processes [Social'no-ekonomicheskie yavleniya I processy]. 2010. N 1 (17). P. 134–151 (In rus)
21. Chubarov I.G. The results of the State policy of China in urbanization at the end of the 12th Five-Year Plan and prospects up to 2020 // The results of the 12th Five-Year Plan (2011–2015) and prospects up to 2020 [Itogi 12-j pyatiletki (2011–2015 godov) I perspektivy razvitiya ekonomiki KNR do 2020 g.: sb. st.]. RAS ; IFES RAS. M., 2017. P. 39–48. (In rus)
22. Shabanov V.L. Factors and features of rural poverty in the modern Russia // News bulletin of Saratov State University. New series. Social sciences. Political sciences [Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya]. 2014. Vol. 14. Is. 4. P. 31–35. (In rus)
23. Iakishin I.V. Management of the regional economic structure: theoretical principles and practical recommendations. SPb. : Ligr Publ., 2019. (In rus)
24. Armstrong H., Taylor J. Regional Economic Policy. Oxford : Philip Allan, 1978.
25. Christaller W. Central Places in Southern Germany. N.Y.: Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1966.
26. Friedrich C. J. Alfred Weber's Theory of the Location of Industries. Chicago : Chicago University Press, 1929.

27. Hall P. (ed.). Von Thünen's Isolated State. Oxford : Pergamon Press, 1966.
28. Herzog H.W., Olsen R. J. Shift-share Analysis Revisited: The Allocation Effect and the Stability of Regional Structure, a Reply // Journal of Regional Science. 1979. N 19. P. 393–395.
29. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. Mar. Vol. 39 (153). P. 41–57.
30. Isard W. Location and the Space Economics. Cambridge, USA : MIT Press, 1956.
31. Lasuén J.R. On Growth Poles // Urban Studies. 1969. N 6. P. 137–152.
32. Lösch A. The Economics of Location. New Haven : Yale University Press, 1954.
33. Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. London : University Paperbacks, Methuen, 1957.
34. O'Hara P.A. Principle of Circular and Cumulative Causation: Fusing Myrdalian and Kaldorian Growth and Development Dynamics // Journal of Economic Issues. 2008. Vol. 42. Is. 2. Papers from the 2008 AFEE Meeting. P. 375–387.
35. Pottier P. Communication axes and economic development // Economic review [Axes de communication et développement économique // Revue économique]. 1963. V. 14. P. 88–122. (In french)

About the authors:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; antoncheva-oa@ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanasenko2008@mail.ru